

DOI: 10.31857/S241377150009973-3

Екатерина II, Е. Р. Дашкова и маркиза Ферте-Эмбо: о французских контекстах “Общества незнающих ежедневной записки”

© 2020 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская 25а
ivinskij@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 21 апреля 2020 г.

Дата публикации: 30 июня 2020 г.

Резюме. Статья посвящена интерпретации произведения Екатерины II “Общества незнающих ежедневная записка”. Данный текст был опубликован в журнале императрицы и Е.Р. Дашковой “Собеседник любителей российского слова”. Ранее предполагали, что данный текст направлен на высмеивание “формальных” и “пустых” заседаний Российской академии, президентом которой была княгиня; выдвигалась гипотеза об “антимасонском” его характере. Мы показываем, что “Общества незнающих ежедневная записка”, как и “Были и небылицы”, другой текст Екатерины II, опубликованный в “Собеседнике”, должны рассматриваться в контексте новой концепции придворного общества, а следовательно, и литературы, которую выдвинула императрица. В основе литературного проекта Екатерины II лежали принципы светского остроумия и игры на границе искусства и жизни. При этом, конструируя идентичность нового русского светского человека, императрица ориентировалась на французские образцы светской культуры. Ближайший контекст “Записки” — известный сюжет о конфликте мадам Жоффрен и ее дочери маркизы Ферте-Эмбо. Последняя, создав “орден Лантюрелю”, высмеивала “академиков”, “педантов” и “ученых”.

Ключевые слова: Екатерина II, Е.Р. Дашкова, Ферте-Эмбо, “Общества незнающих ежедневная записка”, “Собеседник любителей российского слова”.

Для цитирования: Ивинский А.Д. Екатерина II, Е.Р. Дашкова и маркиза Ферте-Эмбо: о французских контекстах “Общества незнающих ежедневной записки” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 99–106. DOI: 10.31857/S241377150009973-3.

Catherine II, E. R. Dashkova and Marquise Ferté-Imbault: On French Contexts of “The Societies of Ignorance, Everyday Notes”

© 2020 Alexander D. Ivinskij

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

Received by Editor on April 21, 2020

Date of publication June 30, 2020

Abstract. The article is devoted to the interpretation of Catherine II's "The Societies of Ignorance, Everyday Notes". This text was published in the journal of the Empress and of E.R. Dashkova "Companion of Lovers of Russian Letters". Previously, it was suggested that this text was written to mock the "formal" and "superficial" meetings of the Dashkova's Russian Academy; according to another scholarly hypothesis, "The Societies of Ignorance, Everyday Notes" was an "anti-Masonic" text. However, we show that "The Society of the Unknowing Daily Note" — similar to "The stories and Fables, and Polemical Notes Connected to Them", which was also published in the "Companion", — should be analyzed in the broad context of the Catherine the Great's new concept of the court society. The literary project of Catherine II was based on the principles of court wit and habit to "play" on the verge of "art" and "life". At the same time, the empress was constructing the identity of the new Russian *honnête homme*, being guided by French examples of court culture. The immediate context of "The Notes" is provided by the famous story of the conflict between Madame Joffren and her daughter Marquise Ferté-Imbault. The latter created the "Order of Lanturelus" to make fun of the "academicians", "pedants" and "scientists".

Key words: Catherine II, E.R. Dashkova and Marquise Ferté-Imbault, "The Societies of Ignorance, Everyday Notes", "Companion of Lovers of Russian Letters".

For citation: Ivinskij, A.D. Yekaterina II, E.R. Dashkova i markiza Ferte-Embo: o franuzskih kontekstakh "Obschestva neznyuschikh yezhednevnoy zapiski" [Catherine II, E.R. Dashkova and Marquise Ferté-Imbault: on French Contexts of "The Societies of Ignorance, Everyday Notes"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 3, pp. 99–106 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009973-3.

"Общества незнающих ежедневная записка" Екатерины II была опубликована в журнале "Собеседник любителей русского слова" в 1783 г. [1, ч. 8, с. 39–62]. В настоящее время доминируют две интерпретации данного текста.

Первая восходит к Я.К. Гроту, который рассматривал это произведение в контексте сложных отношений императрицы и княгини Е.Р. Дашковой и увидел в нем симптом конфликта "двух Екатерины":

Когда в октябре 1783 г. учреждена была <...> Российская академия и Дашкова произнесла там свою вступительную речь, то Нарышкин, подделываясь под ее голос и приемы, представил в присутствии Императрицы пародию этой речи. Дашкова, узнав о том, не могла скрыть своей досады. Но этого было мало: первые заседания основанной около этого времени Российской академии, где рассуждали о будущем словаре, послужили пищей для новых насмешек, и в подражание им было придумано в ближайшем кругу Императрицы *общество незнающих*, состоящее из двух палат: с чутьем и без чутья, и в *Собеседнике*, опять за подписью каноника, напечатана статья: *Общества незнающих ежедневная записка* (так назывались в то время протоколы). Самое название данного общества показывает, что главное участие в этой шутке принадлежало Государыне... [2, с. 13–14].

Итак, острота ситуации, по Гроту, заключалась в том, что императрица и ее ближний круг не только иронизировали над "педантами", но и напечатали свой "издевательский"

текст в журнале президента Российской академии. Следовательно, конфликт, который начался еще в 1762 г., вышел на новый уровень. Если принять эту гипотезу, остается непоясненным, почему, во-первых, Екатерина II продолжала печататься в "Собеседнике", а во-вторых, не только не сняла Дашкову с занимаемых ею должностей, но и, напротив, не прерывала сотрудничество до 1794 г.

Вторая интерпретация "Записки" принадлежит В.Ю. Проскуриной, которая связала данный текст с антимасонской деятельностью Екатерины II:

Осенью 1783 года на страницах журнала "Собеседник любителей русского слова" появляется памфлет "Общества незнающих ежедневная записка", в весьма искусной форме направленный против масонских учебно-воспитательных организаций, в первую очередь — против "Дружеского ученого общества" [3, с. 128].

Таким образом, В.Ю. Проскурина вывела этот сюжет из истории взаимоотношений императрицы и Дашковой и включила его в более противоречивый круг культурных ассоциаций, выводящих на "новиковскую проблему":

Бессмысленные собрания, описанные в памфлете Екатерины, обсуждают значения разных понятий и слов (это была не слишком остроумная сатира на масонские филологические толкования, в том числе и на учреждение Новиковым и Шварцем "Филологической семинарии")... [3, с. 129].

“Общества незнающих ежедневная записка” в этом контексте становилась ответом на “Дружеское ученое общество”, открытое в 1782 г. Более того, “Записка” оказалась включенной в ряд других “антимасонских” сочинений — в диапазоне от “Тайны против-нелепого общества”, первого сочинения “императрицы против масонства”, которое “предназначалось для узкого круга”, до комедий 1786 г., зрители которых “получат полную и недвусмысленную картину созданного ею масонского мифа” [3, с. 123, 130]. Смысл этой деятельности исследовательница объяснила так:

Это была настоящая политическая битва, начатая Екатериной и ее антимасонскими публикациями, своего рода интеллектуальная “контрабанда” в мире постпросветительской Европы, отошедшей от рационализма и увлеченной “шаманизмом”. Борьба императрицы шла под флагом защиты идеалов века Просвещения, разума, знаний от суеверий, мистики и лженауки, то есть под флагом французской “Энциклопедии”, на которую она прямо и неоднократно ссылалась как на источник вдохновения для своих комедий [3, с. 118].

В.Ю. Проскурина, во многом следуя Г.В. Вернадскому, связала эту “битву” с сюжетом о связи высокопоставленных масонов с великим князем Павлом Петровичем. На следующем шаге обозначилась тема “борьбы” Никиты Панина и Екатерины II:

За спиной всей этой группы стоял Никита Панин, давний сторонник шведской конституционной монархии (впрочем, в реальности нарушенной в 1772 году Густавом III, осуществившим переход к абсолютной монархии) и так называемой “северной” внешнеполитической доктрины России. Никита Панин, как свидетельствует записка Особой канцелярии министерства, участвовал в ритуале принятия Павлом масонства. По рукам ходили тексты масонских песен, в которых Никита Панин прямо назывался главным советчиком в деле принятия наследником масонства [3, с. 121].

В подтексте здесь концепция “дворянской фронды” Г.А. Гуковского, легко сочетающаяся с традиционной моделью осмысления эволюции политики Екатерины II: начав с литературной полемики, она закончила политическими репрессиями.

Не обсуждая здесь этот способ описания проблемы, мы хотели бы подчеркнуть, что “Общества незнающих ежедневная записка” — текст многослойный и многоаспектный. На первый взгляд, в нем доминировала критическая установка. Действительно, первый “пласт” — это издевка над официальными учеными сообщениями, в которых “форма” лишь прикрывает

отсутствие “содержания”, а “ритуал” — интеллектуальную никчемность и “пустоту”:

Заседание первое, Октября 12 числа 1783 года по утру в пятом часу. Заседающие были все.

НВ. Исключая тех, кои не приехали...

О чем доложено.

НВ. Оставлено на тот час без решения, замечено сим словом №1 *мимо* <...>

Того же числа после обеда много думано, вечер миновался молчанием, сделано - - - - ничего [1, ч. 8, с. 39, 40].

Неслучайно, разумеется, и то, что “Записка” иронически обыгрывала форму протоколов заседания, возможно, Российской академии.

Вместе с тем, “Общества незнающих ежедневная записка” во внешне игровой форме развивала совершенно серьезную концепцию, которая во многом была центральной для культурной политики Екатерины II.

Ключевая часть данного текста — разделение “собраний” на “палату с чутьем” и “палату без чутья” [1, ч. 8, с. 42]. При этом “члены будут переходить по временам как более или менее окажут способности из одной палаты в другую” [1, ч. 8, с. 42].

Итак, перед нами “открытая структура”: если член собрания не “невежда” и сможет проявить “способности”, то двери “палаты с чутьем” ему откроются. Как же отделить одних от других? Что характеризовало “правильного” интеллектуала? “Записка” давала развернутый ответ на эти вопросы:

19 числа по утру

По долгом рассуждении,
положено:

Невежд вовсе не принимать, так же незнающих без чутья.

Того же дня после обеда дано членам дозволение, писать, и предписаны им следующие правила:

1. Не писать иного, кроме того, что на ум придет.

2. Головоломного и высокоумного не писать.

3. Писать аки с конца пера.

4. В собрании скучного не читать.

5. Веселого не издавать иначе, как прочтя наперед в собрании.

6. Елегии, Эпиграмм или Од не читать иначе, разве окажутся с чрезвычайным чутьем; в противном случае на оных, связав в пук, учинишь надпись: *мимо* [1, ч. 8, с. 42–43].

Екатерина II выдвигала принципы, которые были общим местом светского остроумия:

имитация непринужденности общения и отсутствия отбора жизненного материала, отрицание “скучного”, насмешки над “старыми” “традиционными” формами, в первую очередь, элегией, эпиграммой и одой¹.

Однако этому же, по сути, были посвящены и “Были и небылицы” Екатерины II, которые также печатались в “Собеседнике” [4]. “Общества незнающих ежедневная записка”, таким образом, должна быть вписана в контекст конструирования нового придворного общества вообще и светского человека, в частности (об этом подробнее см.: [5]). Современник легко узнавал не только слог, но и мысли Екатерины II. Худшее испытание для светского человека — “скука”:

...лоскутная Вивлиофика, которую разделить он намерен был на две части, с надписью, на первой: нескучное, на другой: скучное. <...> Он требует, чтобы у понятия во всяком сочинении украдено было все то, что ему скуку приключиться может, а прибавлено бы было всего того, что оную может убавить [1, ч. 4., с. 160].

“Лоскутная вивлиофика” — это и модель для осмысления самой формы журнала, в которой важен принцип единства в разнообразии. Частные сюжеты должны были помочь внимательному читателю, который хотел пройти путь от “невежды” к *honnête homme*, усвоить базовые идеи, на основе которых уже можно было порождать тексты любого уровня сложности.

Один из таких “базовых” сюжетов — “родословие” “Былей и небылиц”. Екатерина II объяснила, что ее текст “родился” от отца “Ничего” и матери “Досуги” [1, ч. 4, с. 162]. Причем за “Были и небылицы” “...сватаются попеременно двое: первой древнего города Скуки, второй скрывает свое имя, говорит из ненависти к первому, называйте как хотите, лишь бы не слыть *скучным*” [1, ч. 4, с. 162–163].

Эта родословная может показаться чем-то странным: как из “ничего” мог появиться один из главных текстов “Собеседника”? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к предыдущему журнальному проекту Екатерины II. В первом своеобразном предисловии ко “Всякой всячине” читаем: “Всякая всячина всегда с нами пребывала: но ни который год не мог похвалиться, иметь оную напечатанною. До сих пор она была в действиях, во словах, в

мыслях, и везде оказывалась: но ныне она положена на бумагу, и увидит свет. О коль сей год отличен от прошедших! Происхождения были во свете все те же; нового ничего нет: но ныне оные можно будет читать” [6, с. I–II]. “Были и небылицы”, как и “Всякая всячина”, появились из “ничего” или “всегда с нами пребывали” в том смысле, что они порывали с предшествовавшей русской литературной традицией, претендуя на абсолютную оригинальность жанровой и стилистической конструкции.

Но дело не только в этом: Екатерина II акцентировала связь не с литературным, а со светским контекстом. Ее журналистика “родилась” в стихии аристократического разговора обо всем и ни о чем одновременно. Искусство составления таких “лоскутных вивлиофик” не может быть сведено к “правилам” и “традиции”, ведь они удел “педантов”, в нем всегда есть “что-то”, не поддававшееся определению, но, по сути, и составлявшее “суть” подлинного творчества. Данный принцип был выражен в знаменитой формуле “*je ne sais quoi*”. Прекрасно понимая это, Екатерина II совершенно сознательно назвала свой “кружок” обществом *незнающих*². Аристократы и тонкие ценители изящного по определению могут быть только “незнающими”, “не понимающими” “науки” “грамматиков”. Поэтому, к слову, именно Любослов оказался главным объектом издевки в журнале (см. подробнее: [4]).

Если эти наблюдения справедливы, то возникает вопрос: почему “Записка” пародировала форму академических заседаний, ведь Екатерина II не могла не учитывать, что эта ирония будет считана современниками как “антидашковский” выпад? Нам представляется, что дело не только в “личных конфликтах”. Напротив, Дашкова сыграла в “Собеседнике” важнейшую роль в выстраивании екатерининского проекта. Правда, по-видимому, не ту, на которую она рассчитывала, чем можно объяснить позднейшие “горькие” страницы ее “Записок”.

Дашкова и ее Российская академия стали своеобразным “фоном”, на котором — по принципу

¹ О той реформе торжественной оды, которая была “запущена” Екатериной II в “Собеседнике”, нам уже приходилось писать: [4].

² Отметим, что наиболее заметные проекты императрицы были коллективными: перевод “Велизария”, “Всякая всячина” и, конечно, “Собеседник любителей русского слова” [7, с. 434–435]. Не случайно поэтому, что перед нами именно протокол заседаний *общества*. По сути, главное здесь — последовательно выраженная идея единства элиты — государыни и ее вельмож, которые *вместе* создают новую русскую культуру.

контраста — четче проступали положительные черты новых героев. В результате Екатерина II выстроила простейшую схему: один полюс — “невежды”, необразованные “дураки” и “провинциалы”; другой — “педанты” и “академики”. Светский же человек, очевидно, должен был последовательно дистанцироваться и от тех, и от других.

Дашкова была не первой, кому была предложена подобная роль, ранее эта технология была реализована во время так называемого столкновения с Н.И. Новиковым. Напомню, “Всякая всячина” претендовала на то, чтобы считаться образцовым изданием, на которое должны были ориентироваться остальные. Екатерина II жестко прописала сценарий развития всей “журналистики” в первом же номере “Всякой всячины”: “Но что я говорю? мой дух восхищен до третьего неба: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя Всякия всячины. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети: будут и уроды ее место со временем заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною рукою прогоняют дурачество и вздоры, а другою доброе поколение Всякия всячины за руку ведут” [6, с. 2–3]. Сюжет строился на простом конфликте: будут последователи, “законные дети” (например, В.Г. Рубан), будут противники, “незаконные дети”, “уроды” — эту роль и сыграл Н.И. Новиков — издатель “Трутня”. Но в итоге должен был победить “хороший вкус” (об этом подробнее см.: [5]).

Надо отметить, что и Новиков, и Дашкова были вознаграждены за участие в проекте: каждый из них на протяжении долгого времени пользовался благосклонным вниманием императрицы. Разумеется, Дашкова — и как представительница высшей элиты, и как участница переворота 1762 г. — ставила задачи, принципиально более амбициозные, чем Новиков.

Таким образом, “перепалка” с Дашковой (не исключаем, что речь идет не о действительном конфликте, а о его литературной имитации, как и с Новиковым во “Всякой всячине” и с Фонвизиним в том же “Собеседнике”³) на самом деле была частью сюжета по утверждению новых светских ценностей. Это объясняет и тот факт, почему “оскорбленная” Екатерина II продолжила печатать свои “Записки касательно российской истории” в “Собеседнике”.

В то же время, “Общества незнающих ежедневная записка” выводит нас на европейские

культурные контексты. С нашей точки зрения, противопоставляя аристократов педантам, императрица учитывала известный в 1770–1780-х годах конфликт М.Т. Жоффрен и ее дочери маркизы М.Т. де ла Ферте-Эмбо. Память о нем сохранил, например, Шамфор в своих “Характерах и анекдотах”: «Г-жа Жоффрен говорила о своей дочери — г-же де Ла Ферте-Эмбо: “Глядя на нее, я дивлюсь, как курица, высижившая утенка”» [12, с. 168]. Его суть объяснил в октябре 1776 г. вездесущий и всезнающий Ф.М. Гримм:

Sa dernière maladie, dont elle n'est que faiblement revenue, et qui, dans les commencemens, ne laissait aucune espérance de guérison, et devenue en quelque manière un événement public, par l'éclat des querelles et des divisions qu'elle a occasionnées dans sa société. A la suite d'une attaque d'apoplexie, madame Geoffrin étant tombée dans un état de langueur qui lui ôtait l'usage de toutes ses facultés, sa fille, madame la marquise de La Ferté-Imbault, n'a plus jugé a propos de recevoir les personnes qui n'étaient que de la société de sa mère, et non pas de la sienne. Elle a fait fermer du rement sa porte a MM. d'Alembert, Marmontel et autres, tous anciens amis de sa mère, qu'elle n'avait jamais pu souffrir a cause qu'ils étaient Encyclopédistes. Cette excellente femme, mais qui n'est pas moins étourdie que bonne, a mis dans ce procédé aussi peu de ménagemens que si elle avait fait la chose du monde la plus simple; elle s'est permis même d'écrire a M. d'Alembert la lettre la plus extravagante qu'il soit possible d'imaginer. M. d'Alembert ne s'en est vengé qu'en montrant la lettre, qui est en effet le comble du ridicule. La conduite de madame de La Ferté-Imbault a révolté contre elle tout le parti philosophe; l'ordre des Lanturelus et les Lampons (plaisanterie établie chez madame de La Ferté-Imbault, pour se moquer des académies et de l'esprit de parti) s'est trouvé sérieusement aux prises avec toute l'Encyclopédie [13, с. 229]⁴.

⁴ Ее последняя болезнь, от которой она только что оправилась и которая вначале не оставляла надежды на выздоровление, стала в некотором роде общественным событием, вызвав ссоры и разногласия в обществе. После приступа апоплексии мадам Жоффрен впала в томное состояние, которое лишило ее возможности использовать все ее способности, а ее дочь, мадам маркиза де ла Ферте-Эмбо, больше не считала нужным принимать людей, которые посещали только салон ее матери. Она закрыла двери для господ Д'Аламбера, Мармонтеля и других, которые были старыми друзьями ее матери и которые вызывали ее страдания, потому что они были энциклопедистами. Эта превосходная женщина, столь же легкомысленная, сколь и добрая, проявила так же мало заботы, как если бы она сделала самую простую вещь в мире; она даже позволила себе написать господину Д'Аламберу самое экстравагантное письмо, какое только можно себе представить. Господин Д'Аламбер отомстил только за это, показав письмо, которое действительно является верхом насмешки. Поведение мадам де ла Ферте-Эмбо возмутило против нее всю партию философов; орден Лантурелю и Лампонов (шутка, принятая у мадам де ла Ферте-Эмбо, чтобы высмеять академию и партийный дух) начал всерьез бороться со всей “Энциклопедией” (перевод мой. — А.И.).

³ См. об этом подробнее: [9], [10], [11].

Во время болезни матери маркиза Ферте-Эмбо открыто выступила против энциклопедистов. Гримм, явно смакуя скандальные подробности, описывал дочь, которая не пустила к страдающей матери ее друзей Д'Аламбера, Мармонтеля и других известных писателей и просветителей.

Мадам Ферте-Эмбо давно не скрывала своей антипатии к “ученым”: в 1771 г. она создала орден Лантюрелю — le “Sublime Ordre des Lanturelus”, который высмеивал академиков (“pour se moquer des académies”)⁵. Кроме того, как указывают современные исследователи, орден “пародировал иерархическую модель рыцарства” (“parodiait le modèle hiérarchique de la chevalerie” [20, с. 243]). Причем Гримм, который приводил эти “шокирующие” подробности в своей “Литературной корреспонденции”, посещал оба салона — и матери, и дочери; более того, он занимал серьезный “пост” — “doyen” ордена.

В России орден Лантюрелю был хорошо известен. Екатерина II проявила к нему живой интерес. Как отметил П. де Сегюр, когда Гримм прибыл в Петербург, одним из первых вопросов, который ему задала императрица, был посвящен именно обществу, созданному маркизой Ферте-Эмбо:

...quand Grimm arriva a Pétersbourg et se fit présenter a la grande Catherine, une des premières questions qu'elle lui posa, d'après son propre témoignage, fut relative aux Lanturelus; et, sur sa réponse qu'il était chevalier et mkme doyen de l'Ordre, elle “redoubla de bienveillance, lui assigna une audience pour le lendemain, et l'interrogea curieusement” sur ce qui se passait dans ces mystérieuses assemblées [13, с. 185–186]⁶.

1 февраля 1775 г. Екатерина II упомянула орден в письме тому же Гримму: “J'ai beaucoup d'obligations aux lanturelus de la mention honorable qu'ils on faite de moi dans leurs couplets en l'honneur de monsieur le doyen de l'ordre <...> aussi je vous promet que mon portefeuille n'est pas mal garni pour jouir plus d'un lanturelus”

⁵ См. подробнее: [13, с. 175–195]; [14]; [15, с. 28–47]; [16, с. 47]; [17]; [18]; [19].

⁶ ...когда Гримм прибыл в Петербург и предстал перед Великой Екатериной, один из первых вопросов, который она задала ему, по ее собственному свидетельству, был относительно Лантюрелю; а на его ответ, что он рыцарь и даже декан ордена, она “удвоила доброжелательность, назначила ему аудиенцию на следующий день и с любопытством спросила его” о том, что происходит в этих таинственных собраниях (перевод мой. — А.И.).

[20, с. 24]⁷. Этот интерес понятен: во-первых, Екатерина II всегда следила за самыми заметными новостями светской европейской жизни, а, во-вторых, как известно, она переписывалась с мадам Жоффрен.

Актуализации данного сюжета способствовал вояж графа Северного. 5 июня 1782 г. Гримм писал Екатерине II о встрече Павла Петровича с маркизой Ферте-Эмбо [21, с. 219–220]. В результате будущий император и его жена Мария Федоровна вступили в орден Лантюрелю⁸. Впрочем, они были далеко не единственными заметными европейскими аристократами в этом обществе:

...les listes de l'Ordre contiennent les noms les plus illustres et les plus disparates: le duc de la Trémoille, “grand Fauconnier”, le cardinal de Bernis, “grand Protecteur”, l'ambassadeur d'Espagne, “grand Favori”, le comte d'Albaret, “grand Orateur”, Grimm, “doyen de l'Ordre”; et parmi les simples chevaliers: le duc de Saxe-Weimar, le prince de Saxe, le marquis de Cossé, le comte et la comtesse de Narbonne, le prince Bariatinski, M. de Burigny, et plus tard le prince Henri de Prusse, madame de Staël, le grand-duc Paul, futur empereur de Russie, et la grande-duchesse, sa femme, etc., etc. [13, с. 185]⁹.

⁷ Я много обязана ордену Лантюрелю за то, что они упомянули меня в своих куплетах в честь господина декана ордена <...> также я обещаю вам, что мой портфель не плохо украшен, чтобы переиграть более чем один Лантюрелю (перевод мой. — А.И.).

⁸ Ю.М. Лотман перевел напечатанную Сегюром “клятву”, которую приняли великий князь и великая княгиня: «Приехав в Париж, Павел не только посетил салон маркизы Ферте-Эмбо, но счел нужным принять сан рыцаря и принести письменную клятву на верность Самодержице всех безумств. Поскольку в Ордене педантически велись протоколы, текст клятвы Павла Петровича сохранился (в русских исторических трудах он никогда не упоминался до сих пор): “Поскольку Ваше Величество располагает неистощимыми сокровищами, превосходящими все, что имеют величайшие персоны мира, и поскольку ее империя есть царство Разума, наступления которого должно чаять, чтобы все державы мира возродились, мы считаем себя счастливыми войти в пределы ее царства и сделаем, чтобы процветание и власть Ее Величества и ее империи длились сколь можно долго. Павел — Мария”» [22, с. 88].

⁹ ...списки членов ордена содержат самые прославленные имена: герцог Ла Тремуй, “великий сокольничий”, кардинал де Бернис, “великий защитник”, посол Испании, “великий фаворит”, граф Д'Альбарэ, “великий оратор”, Гримм, “декан ордена”; и среди простых рыцарей: герцог Саксон-Веймарский, принц Саксонский, маркиз де Коссе, граф и графиня Нарбоннские, князь Барятинский, г-н де Бурины, а позже принц Генрих Прусский, мадам де Сталь, великий князь Павел, будущий император России, и великая княгиня, его жена и т.д. и т.п. (перевод мой. — А.И.).

Возможно, именно эти встречи, которые, напомним, состоялись за год до публикации произведения в “Собеседнике”, послужили исходным импульсом для написания “Общества незнающих ежедневной записки”.

Если это так, то необходимо сформулировать наш ответ на вопрос, зачем Екатерина II обратилась к данному сюжету и какой смысл вкладывала в его реактуализацию в русском контексте.

Но прежде напомним еще о двух обстоятельствах, для нас важных. Во-первых, императрица часто апеллировала к международной аудитории, для которой орден Лантюрелю был хорошо известной и, главное, понятной историей. Во-вторых, Екатерина II не раз использовала тот или иной европейский сюжет — “Энциклопедия”, роман Мармонтеля “Велизарий”, тексты аббата Шаппа и др. — для конструирования своего проекта.

Нам представляется, что Екатерина II видела в конфликте мадам Жоффрен и Ферте-Эмбо, матери и дочери, “курицы” и “утенка”, модель для оформления “своего” идеологического пространства. Ей были нужны фигуры, которые могли обозначить полярные позиции: условно говоря, “светскость” и “педантизм”. Эта схема с легкостью накладывалась на историю взаимоотношения двух Екатериин — “большой” и “малой”, императрицы и княгини. Если Дашкова и ее “академики” “погрязли” в педантизме и “любословии”, то Екатерина II и ее вельможи представляли своего рода воплощением идеи легкой аристократической игры. Последняя, впрочем, не отвергала “ученость” как таковую: знания необходимы “честному человеку”, чтобы верно служить империи. Однако вместе с тем, аристократ должен сохранять баланс и не сваливаться ни в невежество, ни в педантизм. Таким образом, читателю “Собеседника” предлагалось в очередной раз задуматься над тем, как предстоит развиваться отечественной культуре. Очевидно, с точки зрения Екатерины II, она неразрывно связана с принципами придворного общества. Дашкова же, удачно сыгравшая роль мрачного педанта и “грамматика”, сохранила свои посты и, несмотря на общее охлаждение бывлых “подруг”, продолжала играть одну из ключевых ролей в культурном проекте Екатерины II.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783–1784. Ч. 1–16.
2. Грот Я.К. Сотрудничество Екатерины II в Собеседнике княгини Дашковой. СПб., 1877. 18 с.
3. Проскурина В.Ю. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
4. Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: журнал “Собеседник любителей российского слова”. М.: Книжный дом “Либроком”, 2012. 120 с.
5. Ивинский А.Д. Журнал Екатерины II “Всякая всячина” и “Энциклопедия” Дидро и Д’Аламбера // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 155–180.
6. Всякая всячина. СПб., 1769–1770. 552 с.
7. Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Университетско издательство “Св. Климент Охридски”, 2015. 720 с.
8. Шамфор. Максимумы и мысли. Характеры и анекдоты / Изд. подгот. П.Р. Заборов, Ю.Б. Корнеев, Э.Л. Линецкая. М.; Л.: Наука, 1966. 291 с.
9. Ивинский А.Д. Екатерина II и Д.И. Фонвизин: о литературных контекстах “Вопросов и ответов” // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. С. 48–58.
10. Ивинский А.Д. Фонвизин и русская журналистика 1760–1770-х гг.: к вопросу о контекстах “Недоросля” // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох. СПб.: Алетейя, 2016. С. 323–332.
11. Ивинский А.Д. К вопросу о литературной позиции журнала “Трутенъ” Н.И. Новикова // Е.Р. Дашкова и ее время в культурном пространстве России и Европы. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2016. С. 148–158.
12. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot Depuis 1753 jusqu’en 1790. Paris, 1830. Vol 9. 1776–1778. 514 с.
13. Ségur P. de. Le royaume de la Rue Saint-Honoré: Madame Geoffrin et sa fille. Paris, 1897. 507 с.
14. Photiades C. La Reine des Lanturelus Marie-Thérèse Geoffrin, marquise de La Ferté Imbault (1715–1791). Paris, 1928. 282 с.
15. Goodman D. Filial Rebellion in the Salon: Madame Geoffrin and Her Daughter // French Historical Studies. Durham, 1989. Vol. XVI. № 1. P. 28–47.
16. Строев А. “Те, кто поправляет Фортуны”. Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 399 с.
17. Masseau D. La marquise de la Ferté-Imbault, reine antiphilophe des Lanturelus // Les Dérèglements de l’art. Formes et procédures de l’illégitimité culturelle en France (1715–1914). Montréal, 2000.

18. *Hamon M.* Madame de la Ferté-Imbault, philosophe et femme d'affaires a la cour de Louis XV. Paris, 2011. 200 c.
19. *Pellegrin M.-F.* La Ferté-Imbault contre d'Alembert. Résistance mondaine et intellectuelle aux Lumières // *Œuvres & Critiques*. Tübingen, 2013. № XXXVIII, 1. P. 131–146.
20. Catherine II de Russie, F.M. Grimm Correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. Moscou. 2016. T. 1: 1764–1778. 430 c.
21. Сборник Русского исторического общества. Т. 44: Письма Гримма к Екатерине II, изданные Я. Гротом. Изд. 2-е. СПб., 1888. 902 с.
22. *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб.: Искусство-СПб., 1997. 832 с.
1. *Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova* [Companion of Lovers of Russian Letters]. St. Petersburg, 1783–1784, parts 1–16 (In Russ.)
2. Grot, Ya.K. *Sotrudnichestvo Ekateriny II v Sobesednike kniagini Dashkovoi* [The Collaboration of Catherine II with Princess Dashkova's "Companion"]. St. Petersburg, 1877. 18 p. (In Russ.)
3. Proskurina, V.Yu. *Imperiia pera Ekateriny II: literatura kak politika* [Catherine II's Empire of Quill: Literature as Politics]. Moscow, 2017. 256 p. (In Russ.)
4. Ivinskij, A.D. *Literaturnaia politika Ekateriny II: zhurnal "Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova"* [Catherine II's Literary Politics: Magazine "Companion of Lovers of Russian Letters"]. Moscow, 2012. 120 p. (In Russ.)
5. Ivinskij, A.D. *Zhurnal Ekateriny II "Vsiakaia vsiachina" i "Entsiklopediia" Didro i D'Alemberta* [Catherine II's Literary Magazine All Sorts and "Encyclopedia" of Diderot and D'Alembert]. *Literaturnyi protsess v Rossii XVIII–XIX vv. Svetskaia i dukhovnaia slovesnost'* [The Russian Literary Process in 18th – 20th Centuries. Secular and Spiritual Literature]. Moscow, 2019, pp. 155–180. (In Russ.)
6. *Vsiakaia vsiachina* [All Sorts]. St. Petersburg, 1769–1770. 552 p. (In Russ.)
7. Vacheva, A. *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To Posterity from Catherine II. The Ideas and Narrative Strategies in the Autobiography of Empress]. Sofia, 2015. 720 p. (In Russ.)
8. Shamfor. *Maksimy i mysli. Kharaktery i anekdoty* [Maxims and Thoughts. Characters and Anecdotes]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 291 p. (In Russ.)
9. Ivinskij, A.D. *Ekaterina II i D.I. Fonvizin: o literaturnykh kontekstakh "Voprosy i otvety"* [Catherine II and D.I. Fonvizin: On the Literary Contexts of "Questions and Answers"]. *E.R. Dashkova i Ekaterina Velikaia: Kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [E.R. Dashkova and Catherine the Great: Cultural Heritage and Modernity]. Moscow, 2014, pp. 48–58. (In Russ.)
10. Ivinskij, A.D. *Fonvizin i russkaia zhurnalistika 1760–1770-kh gg.: k voprosu o kontekstakh Nedorslia* [Fonvizin and Russian Journalism of 1760–1770: On the Contexts of The Minor]. *XVIII vek kak zerkalo drugikh epokh. XVIII vek v zerkale drugikh epokh* [The 18th Century as a Mirror of Other Eras. The 18th Century in the Mirror of Other Eras]. St. Petersburg, 2016, pp. 323–332. (In Russ.)
11. Ivinskij, A.D. *K voprosu o literaturnoi pozitsii zhurnala "Truten"* N.I. Novikova [On the Literary Strategy of Novikov's "Drone"]. *E.R. Dashkova i ee vremia v kulturnom prostranstve Rossii i Evropy* [E.R. Dashkova and her Epoch in the Cultural Contexts of Russia and Europe]. Moscow, 2016, pp. 148–158. (In Russ.)
12. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot Depuis 1753 jusqu'en 1790. Paris, 1830. Vol. 9: 1776–1778. 514 p. (In French.)
13. Ségur, P. de. Le royaume de la Rue Saint-Honoré: Madame Geoffrin et sa fille. Paris, 1897. 507 p. (In French.)
14. Photiades, C. La Reine des Lanturelus Marie-Thérèse Geoffrin, marquise de La Ferté Imbault (1715–1791). Paris, 1928. 282 p. (In French.)
15. Goodman, D. Filial Rebellion in the Salon: Madame Geoffrin and Her Daughter. French Historical Studies. Durham, 1989, Vol. XVI, No 1, pp. 28–47. (In French.)
16. Stroev, A. *"Te, kto popravliaet Fortunu"*. *Avantiuristy Prosveshcheniia* ["Those Who Correct Fortune". Adventurers of Enlightenment]. Moscow, 1998. 399 p. (In Russ.)
17. Masseau, D. La marquise de la Ferté-Imbault, reine antiphilosophie des Lanturelus. In: *Les Dérèglements de l'art. Formes et procédures de l'illégitimité culturelle en France (1715–1914)*. Montréal, 2000. (In French.)
18. Hamon, M. Madame de la Ferté-Imbault, philosophe et femme d'affaires a la cour de Louis XV. Paris, 2011. 200 p. (In French.)
19. Pellegrin M.-F. La Ferté-Imbault contre d'Alembert. Résistance mondaine et intellectuelle aux Lumières. In: *Œuvres & Critiques*. Tübingen, 2013. No XXXVIII, 1, pp. 131–146. (In French.)
20. Catherine II de Russie, F.M. Grimm Correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. Moscou. 2016. Vol. 1: 1764–1778. 430 p. (In French.)
21. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 44* [Collection of Russian Historical Society. Vol. 44]. St. Petersburg, 1888. 902 p. (In Russ. and French.)
22. Lotman, Yu.M. *Karamzin* [Karamzin]. St. Petersburg, 1997. 832 p. (In Russ.)

REFERENCES